

РЯЗАНОВ Виктор Тимофеевич

Доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории

Санкт-Петербургский государственный университет
191123, РФ, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 62
Контактный телефон: (812) 363-67-86
e-mail: v.rjazanov@mail.ru

Новая индустриализация и экономическое возрождение России: восточный вектор

Обосновывается необходимость разработки программы новой индустриализации России как стратегической цели, реализация которой рассчитана на длительную перспективу. Подчеркивается необходимость коренной реформы сложившейся спекулятивно-финансовой модели, так как улучшением и корректировкой политики стабилизации ключевые проблемы экономического роста не решить. Для России тем более важно не ограничиваться курсом на финансовую стабилизацию и снижение инфляции. Ключевое значение приобретает реформирование хозяйственной системы в сочетании с активной промышленной политикой и разворотом в сторону импортозамещения и новой индустриализации. Обосновывается необходимость разработки и реализации программы системных преобразований, которая выступает важнейшим условием диверсификации экономики России и ее вывода на траекторию устойчивого развития. Для этой цели выдвигается программа социализации финансов, призванная существенно ограничить сферу спекулятивно-финансовой деятельности. Автор отмечает важную роль, которую играют восточные регионы страны в реализации программы новой индустриализации, обладая производственным потенциалом, историческими традициями и ресурсами.

JEL classification: E52, E65, O25, O33

Ключевые слова: постиндустриализм; деиндустриализация; реиндустриализация; новая промышленная революция; задачи новой индустриализации в России; спрос на инновации; социализация финансов; восточный вектор неоиндустриализации.

Введение

После распада СССР и в результате проведения рыночных реформ, особенно в 1990-е годы, экономика России испытала серьезные потрясения, которые обернулись существенным ухудшением ее позиции в мировом хозяйстве. Достаточно отметить, что СССР перед распадом занимал третье место в мире по размеру валового внутреннего продукта (ВВП) после США и Японии. В настоящее время по этому показателю российская экономика по паритету покупательной способности опустилась на восьмое место, а по расчету в текущих ценах – на десятое. В первом случае на ее долю приходится 3,5% мирового ВВП, во втором – 2,5%.

Неблагоприятная ситуация с развитием экономики России особенно наглядна на фоне общей экономической динамики в мире, а также в сравнении с нынешними экономическими лидерами – США и Китаем.

Причин возникших трудностей в экономике России немало, но особое значение приобретает ее деиндустриализация, которая в значительной мере предопределила ухудшение социально-экономической ситуации в стране. Поэтому возрождение ее

экономического потенциала, так же как обеспечение устойчивого и динамичного роста экономики с благоприятными социальными последствиями, выдвигает в качестве ключевой задачи проведение новой индустриализации.

Обоснование необходимости разработки программы новой индустриализации России как стратегической цели является целью настоящей статьи.

Деиндустриализация, ее причины и последствия

Чтобы была понятна стратегическая важность выработки курса на неоиндустриализацию страны, следует раскрыть причины деиндустриального обвала. Это особенно необходимо, поскольку начавшееся в 1990-е годы разрушение индустриального каркаса в экономике пытались представить как отражение действия в мировом хозяйстве сервисной революции, главным символом которой стал взрывной рост цифровых (информационно-коммуникационных) технологий, что свидетельствовало о наступлении, якобы, эпохи постиндустриализма. Действительно, в этот период в развитых капиталистических странах происходило сворачивание производственной деятельности, сопровождаемое переносом промышленного производства в Китай и другие развивающиеся рыночные экономики. Подчеркнем, что такое перемещение совсем не равнозначно угасанию индустриальной деятельности в мире и утрате ее ведущей роли в экономическом развитии. Оно лишь указывало на формирование нового индустриального центра в развивающейся части мирового хозяйства. Фактически это означало, что страны развитого капитализма утрачивают привычное лидерство на многих товарных рынках и что оно переходит к группе быстрорастущих новых индустриальных стран – Китаю, Индии, Мексике, Бразилии и др.

Удельный вес в мировом промышленном производстве семи индустриально развитых стран уменьшился с 62,2% в 1993 г. до 40,2% в 2012 г. Соответственно роль группы наиболее динамично развивающихся новых рыночных экономик за этот период возросла с 14,7 до 28,6%. В результате произошло образование двухполюсной мирохозяйственной системы при сохранении военно-политического и финансового доминирования США.

Тем не менее необходимо выявить истинные причины действия тенденции деиндустриализации в развитых капиталистических странах. В этой связи следует выделить две из них. Прежде всего это падение рентабельности производственной деятельности транснациональных компаний (ТНК) в главных странах их базирования, а также возникновение барьеров роста из-за обострения конкуренции и недостаточно результативного поиска эффективных направлений очередного технологического прорыва в сфере производства. В частности, речь идет о преувеличенной возможности информационных технологий сразу же и сходу обеспечить масштабное снижение издержек производства.

Проблему снижения рентабельности ТНК попытались разрешить посредством политики перевода массового промышленного производства в развивающиеся страны. Благодаря этому транснациональный капитал решал проблему поддержания своей прибыльности за счет переноса издержек производства в зоны с их заведомо меньшим уровнем, обусловленным мизерной зарплатой, а также более низкими налогами и отсутствием серьезных экологических ограничений. Так, в докризисный период (2007 г.) при среднечасовой ставке зарплаты в обрабатывающей промышленности США в 17 дол. (в Германии – 32, Японии – 24, во Франции 19 дол.) в Китае она составляла 0,57 дол., в Индии и Индонезии – 30 центов.

Результат деиндустриализации в США известен и просчитан: только с 2000 г. в стране было закрыто 56 тыс. производственных предприятий, потеряно в общей сложности около 5,5 млн рабочих мест в сфере производстве, или 32% их общего количества. При этом занятость в зарубежных филиалах американских компаний выросла на 30%,

достигнув 10,1 млн чел. Ярким символом деиндустриализации США стал г. Детройт – в прошлом главный центр американской автомобильной промышленности, в котором еще в середине XX века проживали свыше 2 млн чел., теперь около 700 тыс. чел., и до сегодняшнего дня там царят разруха и запустение, а 36% жителей живут за чертой бедности.

Еще одним важным результатом деиндустриализации стала очередная победа финансового капитала над промышленным в конкурентной борьбе, что привело к утверждению его гегемонии в развитых экономиках и формированию спекулятивно-финансовой модели экономики. Она была обеспечена инновационной революцией в сфере финансов, которая в сочетании с внедрением информационно-компьютерных технологий привела к перемещению центра создания прибылей в сферу спекулятивно-финансовых операций. Именно в нее на основе внедрения многочисленных инновационных продуктов, в первую очередь массивного запуска деривативов, была сформирована наиболее высокодоходная сфера приложения капитала. Финансовые рынки одержали победу в конкуренции с товарными рынками, а финансовый капитал оказался отчужденным от конечного результата хозяйственной деятельности.

Так, в США при доле ВВП, вырабатываемой финансовым сектором, в 8% на этот сектор в 2007 г. пришлось 26,5% всей прибыли корпораций (в 1964 г. – около 14%). Для сравнения: если на американскую обрабатывающую промышленность в 1964 г. приходилось 50,8% всей корпоративной прибыли, то к 2007 г. она снизилась до 20,2%. Если рассчитать долю в ВВП всего торгово-финансового блока экономики США, включая недвижимость и торговлю, то она возросла с 17,1% в 1997 г. до 32,9% в 2002 г. [7. С. 25].

Таким был общий мирохозяйственный тренд, который был некритично заимствован российскими реформаторами, существенным образом повлияв на разработку политики неолиберальных рыночных реформ. Их нацеленность на демонтаж советской плановой системы хозяйства привела не столько к созданию эффективно работающего рыночного механизма, сколько к повсеместному развалу научно-производственной сферы, особенно в обрабатывающих отраслях, с одновременным усилением сырьевой специализации экономики.

Обращают на себя внимание отличительные черты проявления деиндустриализации экономики в России и в промышленно развитых странах. В центре глобального капитализма данный процесс характеризовался свертыванием отраслей обрабатывающей промышленности на территориях, связанных с трудоемкими производствами, высокими издержками, налоговым бременем, экологическими ограничениями и т. п., что определило направление их перемещения в развивающиеся страны. В отечественной экономике деиндустриализация началась и продолжалась из-за непродуманной политики открытия внутреннего рынка в условиях кризиса и обострения конкуренции с иностранными производителями. Ее действие было усилено явно неблагоприятной политикой реформ производственной деятельности, катастрофическими последствиями, вызванными разрушением кооперационных связей из-за распада единого народнохозяйственного комплекса, неподготовленностью предприятий к работе в условиях незащищенного рынка.

Неизбежным результатом проводимой политики, а в известном смысле и целью реформаторов, стали: сокращение «избыточных производств», явившееся катализатором разрушения технологических и воспроизводственных связей; демонтаж большинства отраслей обрабатывающей промышленности. Поскольку разрушительные процессы сопровождались относительно благоприятной ситуацией в добывающих отраслях с их переориентацией на внешний рынок, это привело к системной дезинтеграции народного хозяйства: промежуточное производство было изолировано от конечного, которое впало в депрессивное состояние, лишившись оборотных средств и накопления.

Действие тенденции деиндустриализации отечественной экономики идеологически оправдывалось, да и продолжает оправдываться, эйфорией от сервисной революции, запущенной в конце XX века в странах развитого капитализма, с ее гиперболизацией преобразующей возможности информационно-компьютерных технологий. Активное сворачивание промышленного производства стало трактоваться реформаторами как позитивный результат включения в международное разделение труда и перехода к «постиндустриальному», или «информационному», обществу.

Каковы последствия произошедшей деиндустриализации России?

В их оценке ограничимся несколькими наиболее яркими примерами:

- *Разрушение обрабатывающего сектора хозяйства.* В 1990-е годы были закрыты примерно 75 тыс. промышленных предприятий, численность работников сократилась с 17 до 13 млн чел. Сейчас в торговле работников занято больше, чем во всей обрабатывающей промышленности (12,4 млн и 10 млн чел. соответственно).

- *Формирование экспортно-сырьевой модели экономики.* В процессе рыночных реформ доля энергоресурсов в экспорте РФ увеличилась почти до 2/3. К этому следует прибавить еще примерно 10% других видов сырья (лес, руды, металлы). Что касается машин и оборудования, то их экспорт составляет 7–8% его объема. При этом доля военной их части достигает 15–16 млрд дол., или 1/3 высокотехнологического российского экспорта. Для сравнения: в СССР в 1970 г. в структуре экспорта на машины и оборудование приходилось 21,5, на энергоресурсы – 15,6, на руды и металлы – 19,6%. Экспорт военной продукции достигал 30 млрд дол.

- *Значительное ухудшение позиции страны в международном разделении труда.* Если СССР занимал вторые–третьи места в мире по промышленному производству с долей в 20%, то сейчас РФ переместилась на 12-е место по этому показателю с удельным весом около 2%;

- *Падение производства и формирование неустойчивой модели роста из-за высокой зависимости от внешнего спроса.* В 1990-е годы произошло почти двукратное сокращение промышленности и ВВП, еще большее падение инвестиций и уровня жизни. В настоящее время восстановлен дореформенный объем ВВП и общий выпуск промышленного производства, но в основном благодаря сырьевому комплексу. При этом уровень производства в обрабатывающем секторе, особенно в машиностроении, все еще ниже достигнутого значения в советской экономике.

Таковы только некоторые негативные последствия деиндустриализации страны. Их неблагоприятное влияние резко возросло в условиях обострения геополитической ситуации в мире и введенных в 2014 г. санкций относительно РФ. Все это дополнительно определяет необходимость выработки курса на новую индустриализацию страны. Сейчас это важно не только для восстановления экономического потенциала, но и просто для выживания.

Следует подчеркнуть, что после мирового кризиса 2007–2009 гг. в развитых капиталистических странах происходит переоценка значения постиндустриального их разворота. Вновь возвращается понимание ведущей роли реального сектора экономики, которое обозначило целесообразность выдвижения политики реиндустриализации, нацеленной на возвращение промышленного потенциала развитых стран. Практическим основанием такой политики является стремление преодолеть глобальную неустойчивость экономики (так называемую «новую нормальность») и вернуть ей динамический потенциал. Такой подход отражает и традиционные представления о существующей норме в экономическом развитии.

Кроме того, постановка и реализация политики реиндустриализации обусловлены стремлением ведущих экономических держав сохранить за собой лидирующие позиции в мировом хозяйстве. Как одно, так и другое обстоятельство предопределили соответствующие оценки и цели в аналитических и программных документах,

подготовленных международными экономическими институтами и экспертным сообществом разных стран.

Иначе говоря, задача проведения политики реиндустриализации, будучи мотивированной разными причинами, является вполне ожидаемой реакцией на существующие вызовы в мировом хозяйстве и одновременно обусловлена выбором наиболее перспективной модели запуска экономического роста. В данном контексте следует понимать ее постановку, как в США, так в ЕС и других развитых капиталистических странах. Не случайно эти страны в последние годы прилагают большие усилия для реализации поставленной задачи. Более того, она оказалась в центре политической борьбы за власть между финансовым и промышленным капиталом. При этом опора на промышленный капитал и наемный персонал в сфере реальной экономики позволила Д. Трампу выиграть президентские выборы в США в 2016 г., выдвинув программу реиндустриализации и возвращения рабочих мест в страну. Характерно, что одним из первых был его указ с примечательным названием: «Покупай американское, нанимай американцев».

Политика новой индустриализации в России: стратегия и текущие задачи

Анализируя опыт проведения политики реиндустриализации в развитых капиталистических странах, а он важен и для России, особое внимание следует обратить на ее перспективный и стратегический горизонт. Она не сводится к простому возвращению производственного потенциала, ранее вывезенного в другие страны. Этот этап можно условно понимать как предваряющий, который необходим для последующего запуска радикальной структурно-технологической перестройки в сфере производства. Иначе говоря, он востребован для формирования растущего внутреннего спроса на высокотехнологичные инновации в самом производстве. Фактически речь идет о ставке на повторную индустриализацию на новой технико-технологической основе, призванной восстановить ослабленную конкурентоспособность и одновременно качественно изменить облик современного производства. Ведь в числе фундаментальных причин произошедшего мирового кризиса присутствует также исчерпанность стимулирующего потенциала доминирующего на данном этапе пятого технологического уклада. Его ограниченные возможности дальнейшего сокращения издержек производства и повышения производительности труда закономерно усилили тенденцию угасания экономического роста. Поэтому надежный выход из кризиса не может не основываться на приходе нового технологического уклада в качестве ведущего. Именно в области будущего научно-технического прорыва разгорается главная конкурентная борьба за экономическое лидерство. И те страны, которые смогут своевременно оседлать зарождающуюся новую промышленную революцию («Индустрию 4.0»), в конечном счете окажутся в числе победителей.

В настоящее время уже появилось немало отечественных и зарубежных исследований, предлагающих сценарии технико-технологического прорыва, с которыми связывают наступление «новой», или «четвертой промышленной революции» [1; 5; 8; 10; 13]. Ее определяют как внедрение «киберфизических систем» в производственные процессы, нацеленное на широкое использование роботов с самонастраивающимися программами. Выделим самый принципиальный аспект, раскрывающий главную сферу ее реализации. По-настоящему революционная роль новой промышленной революции будет выполнена в том случае, если она распространится не только на область преобразований в управляющей и обслуживающей сферах или тем более на повседневный быт, а в первую очередь затронет сферу непосредственного производства, обеспечив ее инновационное обновление. Одним из примеров для этого может стать перемещение центра внедрения информационно-компьютерных технологий из финансовой в производственную сферу, активизировав роботизацию производства на самопрограммируемой

основе. О том, что такой потенциал в информационных технологиях заложен, свидетельствует то обстоятельство, что сейчас их ресурсы реально используются не более чем на 20% [2. С. 57]. Другие приоритетные области поиска прорывных технологий в индустриально развитых экономиках – это био- и нанотехнологии, энергетика и переход к природосберегающим технологиям.

Для современной России проблема восстановления индустриального каркаса приобретает значительно более острый характер. Заимствование хозяйственного устройства западной экономической модели, которое упорно проводилось в процессе реформирования, не могло не привести к воспроизводству ее существенных изъянов в российской экономике. Сегодня российская экономика, казалось бы, достигла так желаемой либеральными реформаторами похожести на эталонную экономику, но не столько ее достоинствами, сколько недостатками. Во всяком случае, рентно-сырьевая составляющая хозяйственного строя России дополнилась рентно-долговым звеном, что еще более усиливает действие деиндустриальной инерции с соответствующими негативными последствиями.

В интересах успешной реализации программы новой индустриализации России на новой технологической основе особого внимания заслуживает исходная и одновременно ключевая проблема. Она обусловлена несформировавшимся спросом производства и производителей на высокотехнологичные инновации, что отражает невосребованность науки и образования, творческого и производительного труда. Недостаток внутреннего спроса на инновации, а значит, и слабые рыночные стимулы в развитии наукоемкого производства, имеют разноплановые основания.

Во-первых, недофинансирование сферы НИОКР, приведшее к разрушению ее целостной структуры, резко ослабило связь с реальным производством, а имеющиеся научные и прикладные заделы в значительной мере утеряны либо устарели. Чтобы сфера НИОКР заработала на полную мощь, необходимы крупные финансовые вливания и, что еще важнее, кадровое пополнение и недопущение в этой сфере разрушительных нововведений.

Во-вторых, ограниченный спрос на инновации обусловлен происходящими процессами в самом производстве. Доминирование высокоприбыльного бизнеса в сырьевом сегменте промышленности и в сфере валютно-финансовых спекуляций, высокий уровень монополизации и слабость конкурентных механизмов в большинстве производственных отраслей, возможность привлечения относительно дешевой рабочей силы, а при необходимости закупок готового современного оборудования за рубежом – все это мешает формированию заинтересованности российского бизнеса в финансировании отечественной сферы НИОКР и в последующем использовании ее разработок в производстве. Наглядный пример – уровень коммерциализации результатов НИОКР в России составляет 5%, в то время как в Европе до 65% всех результатов научных исследований становятся объектами коммерческих сделок.

Если учесть, что преобладающая модель бизнеса больше опирается не на свою инновационность и использование отечественных достижений научно-технического прогресса, а на получение выгод путем пробивания для себя преференций, используя для этого коррупционные механизмы в сфере госуправления, то этим закладываются антиинновационные по своей сути характеристики самого российского бизнеса. Не случайно к числу инновационно активных предприятий в России, по данным Минэкономразвития, отнесено 9,4% от их общего количества (в Германии – 71,8%, в Финляндии – 52,5%). Потому удельный вес инновационной продукции в общем промышленном объеме в России составляет всего 4,9%, а доля в мировом экспорте наукоемкой продукции находится в диапазоне 0,3–0,8% (в КНР – 6%).

Пока же инновационная деятельность российских компаний осуществляется преимущественно через импорт технологий и оборудования. Однако даже в этом случае,

чтобы их успешно внедрить в производство, нужны соответствующий общий уровень подготовки промышленности, а также конкурентная среда, высококвалифицированный управленческий персонал и рабочие кадры. В совокупности только при их наличии и одновременно на основе активной промышленной политики государства закладывается необходимый фундамент в формирование растущего спроса на новые технологии.

Что необходимо сделать для формирования внутреннего спроса в России на технологическое обновление и инновации?

Одним из ключевых звеньев в его реализации должна стать ориентация на трудосберегающую модель [4]. Действительно, если трудовые ресурсы в стране относятся к числу наиболее лимитирующих факторов экономического роста, учитывая и демографические проблемы, и возникший дефицит высококвалифицированной рабочей силы, то стратегию развития следует строить на основе экономии простого труда. Следовательно, государство должно активно задействовать все возможные инструменты для переориентации предприятий на преимущественный рост производительности труда в результате применения трудосберегающих технологий, используя в перспективе высокоавтоматизированное самопрограммируемое и самонастраиваемое производство на основе микропроцессорных устройств. Особое значение приобретает устранение дешевизны рабочей силы, которая сохраняет заинтересованность бизнеса в использовании малоквалифицированного труда. Экономически замещение труда техникой может быть оправданным только в том случае, если возникшая экономия на заработной плате будет как минимум сопоставима с затратами на более дорогостоящее оборудование и с более качественными результатами производства. В таком контексте следует понимать поставленную задачу создания в народном хозяйстве России 25 млн технотронных рабочих мест [3].

Приоритетность трудосберегающей модели неиндустриализации в современной России обусловлена ограниченностью трудовых ресурсов, и, вполне вписываясь в нормальную модель посткризисного развития, тем более должна реализовываться в интересах преодоления рецессии 2015–2016 гг. Использование данной модели опирается на обновление капитала на новой технологической основе, предполагающей замещение простого труда более производительной техникой и квалифицированным трудом. Это создает необходимый импульс для роста, а затем поддерживает его сокращением издержек и растущим спросом. Активная промышленная политика государства в этом случае должна быть нацелена на создание благоприятных условий для разворачивания программы обновления капитала с одновременным стимулированием подготовки высококвалифицированных кадров. Как справедливо утверждает Э. Райнерт, недостаток развития обрабатывающей промышленности нужно компенсировать экономической политикой [6. С. 267].

Проведение активной промышленной политики предполагает как непосредственное участие государства в качестве инвестора для создания запускающего импульса в формировании внутреннего спроса, так и меры косвенного воздействия на экономическую активность производителей.

В первом случае речь идет об использовании многократно проверенных международной и отечественной практикой больших инфраструктурных проектов, так же как и о масштабных программах перевооружения вооруженных сил. Круг косвенных мер государственного влияния на экономику, раскрывающий особенности проведения промышленной политики, более разнообразен. Их предназначение заключается в усилении заинтересованности компаний в формировании спроса на инновации посредством перевооружения собственного производства и одновременно в стимулировании ими производства высокотехнологичной продукции на основе импортозамещения. Благоприятный налоговый режим, политика ускоренной амортизации, удешевление кредита и использование других многочисленных стимулирующих и ограничительных

инструментов – таков проверенный арсенал направленного воздействия государства на производителей.

Отмеченный традиционный набор мер важен и полезен, но им уже нельзя ограничиваться. Требуются более сильные и действенные меры, способствующие полноценному экономическому возрождению страны. Особую роль в преодолении деиндустриальной инерции должны сыграть радикальные меры в финансовой сфере. Речь идет о целесообразности пересмотра идеологии универсализации финансовой деятельности с чрезмерной ее бесконтрольностью и открытостью. Оправданность перехода к новому финансовому порядку в России определяется тем, что механизм рыночного саморегулирования, который действует более 25 лет, не привел к требуемой инвестиционной активности. Даже в период растущей внешнеэкономической конъюнктуры доля накопления не превышала 21% ВВП. Это означает, что для финансового обеспечения программы неоиндустриализации необходимо восстановление такого взаимодействия реального и финансового секторов хозяйства, которое устраняет самодостаточность финансовой сферы, ограничивает в ней спекулятивный аспект деятельности, повышает эффективность функционирования канала перевода сбережений для поддержки инвестиционности деятельности в сфере производства и НИОКР. Оно может быть достигнуто на основе реализации курса на социализацию в финансовой сфере. Социализацию финансов в наиболее общем плане следует трактовать как достижение надежного регулирования, контроля со стороны государства и общественных институтов за посреднической деятельностью кредитно-финансовых организаций в интересах стимулирования инвестиционной и инновационной деятельности в реальном секторе экономики.

Приведем наиболее известные примеры создания таких рамочных условий. Их можно определить как ранние варианты проведения политики социализации финансов, суть которой в ее нацеленности на контроль, регулирование и переподчинение финансовой сферы задачам развития реального сектора воспроизводства [11]. Они были апробированы и, что важно, позволили добиться неплохих результатов. Так, в реформировании финансовой сферы США в годы Великой депрессии ключевую роль сыграло принятие в 1933 г. закона Гласса – Стиголла о разграничении функций депозитных и инвестиционных банков, который был направлен на сдерживание финансовых спекуляций. Для депозитных (коммерческих) банков фактически был установлен запрет на использование средств вкладчиков на спекулятивные операции, что не только гарантировало сохранность депозитов, но и создавало необходимые предпосылки для развития кредитования реального производства и потребительского сектора. Отмена данного закона в 1999 г. дала сильный импульс формированию спекулятивно-финансовой модели экономики, или финансиализации¹.

Для современной России принятие аналогичного закона полезно, как для придания устойчивости финансовой системе, так и для ее переориентации на обеспечение производственной деятельности. Следует отметить, что в апреле 2017 г. Госдума приняла поправки в банковское законодательство, разделив весь массив коммерческих банков на два эшелона. Первый – банки с универсальной лицензией, капитал которых должен составлять не менее 1 млрд р. и которые сохраняют все многообразие функций, равно как и надзорные требования. Второй – банки с базовой лицензией, для которых вводятся ограничения по всему набору операций, но и упрощается режим регулирования. Само по себе данное нововведение заслуживает поддержки, поскольку свидетельствует об отходе от ошибочной практики универсализации финансовой деятельности, которая способствовала ее отрыву от кредитования производственной деятельности

¹ Примечательно, что Д. Трамп после избрания президентом страны четко подтвердил свое обещание вернуть закон Гласса – Стиголла. Отметим, что в Конгрессе США ранее такая попытка несколько раз не получала поддержки.

и ориентировала на неограниченное участие в финансовых спекуляциях. Такое разграничение повысит устойчивость финансовой сферы и снизит риски для вкладчиков, однако не решит в должной степени задачу переориентации финансовой сферы на поддержку реальной экономики. Дело в том, что сам принцип формирования второго эшелона коммерческих банков (их должно быть около 200) определяется размером собственного капитала (от 300 млн до 3 млрд р.), который в силу своей незначительности (их активы не превышают 1,5–2,0% общего объема) не в состоянии существенно нарастить кредитование сферы производства. Необходимы более акцентированные и решительные меры по реформированию финансовой деятельности.

Для современной России более значимым может стать вариант социализации финансов, который представляет собой создание двухканальной системы трансформации сбережений в инвестиции. Один из них функционирует в обычной рыночной среде, реализуя кредитный потенциал коммерческих банков и других финансовых институтов, другой действует в ограниченном рыночном режиме, обеспечивая прямое финансирование приоритетных народнохозяйственных проектов, в нашем случае с ориентацией на импортозамещение, новую индустриализацию и поддержку развития высокотехнологического производства. Такой проект социализации финансов развивает ныне существующую и перспективную практику проектного финансирования. Его особенность состоит в использовании финансовых ресурсов в инвестиционных проектах, при котором банки берут на себя полностью или частично риски их реализации, выступая уже не как кредиторы, а фактически становясь соинвесторами. При этом выделение средств, как правило, не требует обеспечения и гарантий, они погашаются исключительно или в основном доходами, которые генерируются проектами. В этом случае прибыль финансовых организаций определяется не получением процента, а их долей в общей прибыли от реализации инвестиционного проекта.

Достоинство проекта социализации финансов в том, что он предполагает формирование государственно-общественной финансовой системы, вмонтированной в рыночное хозяйство и предоставляющей ресурсы и услуги частному предпринимательству на рыночной основе, но с использованием новых инвестиционных инструментов, расширяющих диапазон традиционной кредитной деятельности с ориентацией на формирование сегмента с «беспроцентной экономикой». Этим обеспечивается общее оздоровление экономики и полномасштабное осуществление программы неоиндустриализации страны с разворачиванием новой промышленной революции. На основе социализации финансов государство получает дополнительный ресурс для активизации в инвестиционной и инновационной сферах, что чрезвычайно важно при переходе от экспортно-сырьевой к высокотехнологичной экономике.

Опираясь на проект социализации финансов, можно по-настоящему обеспечить переструктурирование финансовой сферы, переподчинив ее интересам развития производства и продвижения политики неоиндустриализации с целевой установкой на высокотехнологичную диверсификацию народного хозяйства. Не менее существенно и то, что осуществление программы социализации финансов с проектным финансированием и другими мерами можно рассматривать как важный шаг для выхода из глобальной финансовой системы, в которой у России периферийная и обслуживающая позиция, приносящая лишь дополнительные потери и издержки. Возвращение самостоятельности финансовой системы – это неременное условие достижения подлинной экономической независимости и защиты национальных интересов.

Восточный вектор неоиндустриализации России

Важной проблемой является переключение госаппарата и бизнеса на реализацию стратегии неоиндустриализации. Речь идет не только о поиске финансовых ресурсов, но и об управленческом и в целом кадровом ее обеспечении. В этой связи оправданно

поставить вопрос о формировании полюса развития с наделением его функцией управляющего центра. Такие силы, экономически заинтересованные в возрождении промышленного сектора, в настоящее время сосредоточены в средних и малых индустриальных городах страны, многие из которых возникали и росли благодаря строительству в них крупных предприятий. Для подобного разворота в процессе неоиндустриализации особо важное значение приобретают восточные регионы страны – Урал, Сибирь и Дальний Восток. Поэтому особого внимания заслуживает обоснование восточного вектора в выборе опорных звеньев в формировании управляющих центров реализации стратегии неоиндустриализации России. Есть все основания считать, что такими центрами вполне могут стать Урал и Сибирь [9].

Во-первых, это регионы со сложившейся индустриальной структурой и традиция-ми, способные к новому этапу своего развития¹.

Во-вторых, именно на их территории ныне сосредоточены «кормящие ландшафты» (основная сырьевая база страны). В этих регионах добывается три четверти российской нефти и 87% газа, доходы от которых имеют ключевое значение для экономики страны, поэтому они подготовлены для начального этапа новоиндустриального разворота, если иметь в виду их переоснащение и наращивание перерабатывающего звена.

В-третьих, особый акцент на промышленном развитии восточных регионов обусловлен также необходимостью остановки продолжающегося миграционного оттока с их территорий. Надо учитывать и высокие риски потери этих регионов, во всяком случае ослабление экономических связей с ними уже произошло. Так, в настоящее время экономика Дальневосточного федерального округа на 80% ориентирована на страны Азиатско-Тихоокеанского региона и лишь на 20% – на Сибирь и Европейскую часть России. В этом русле следует рассматривать создание министерства РФ по развитию Дальнего Востока, а также предложения о создании соответствующей госкорпорации и формировании «территорий опережающего развития». Вместе с тем восточный вектор в экономическом развитии страны следует усилить.

На современном этапе перемещение полюса промышленно-экономического развития целесообразно и с точки зрения освобождения г. Москвы как политического и финансового центра страны от избыточных функций. На данном этапе разумно не расширять беспредельно г. Москву как мегаполис, выделяя на это огромные средства, а сокращать выполняемые городом множество функций и полномочий. Так можно с меньшими затратами восстановить нормальную жизнедеятельность города, сделать ее благоприятной для жителей и использовать сэкономленные средства на развитие регионов.

Отметим и такую немаловажную деталь: Уральский и Сибирский регионы могут рассматриваться с точки зрения близости к географическому центру России. Ведь от г. Новосибирска до г. Москвы и до г. Владивостока примерно сравнимое расстояние – 2,8 тыс. и 3,6 тыс. км. Отметим, что Д. И. Менделеев еще в начале XX века исследовал взаимосвязь географического и поселенческого центров России, обосновывая логику перемещения центра населенности с севера на юг и с запада на восток.

В чем преимущества перемещения «экономической столицы» России на Восток?

Во-первых, такой решительный пространственно-территориальный сдвиг важен с точки зрения преодоления инерции двадцатилетнего деиндустриального развития, сформировавшей застой и социальные силы антииндустриализма. Потому его можно рассматривать в контексте назревшей принципиальной смены парадигмы развития, которая без ослабления давления зон антиразвития вряд ли осуществима.

Во-вторых, смена экономического центра дает шанс привлечь новый управленческий аппарат, по своим профессиональным и ментальным качествам свободный от

¹ О перспективах и результатах неоиндустриализации на Урале см.: [12].

груза рыночного фундаментализма и способный к проведению курса на индустриально-технологическое возрождение страны.

В-третьих, в развороте на Восток следует видеть устранение общего перекоса в сторону Запада. Не следует забывать, что историческое предназначение российской цивилизации состоит в достижении если не гармонии, то хотя бы сбалансированности западного и восточного векторов общественно-хозяйственного развития страны.

Само по себе создание полюса промышленно-экономического развития на Востоке России, естественно, не решает всех имеющихся сложных проблем. Для успешной реализации требуются комплекс поддерживающих мер и обеспечение должного финансирования. Без наделения управляющего центра необходимыми ресурсами программу новой индустриализации не реализовать. Это потребует изменения принципов формирования и использования Фонда национальной безопасности и Резервного фонда, а также накопленных валютных активов. Для этого можно было бы закрепить за новым управляющим центром средства Фонда национальной безопасности, создав на его основе Фонд новой индустриализации. Для текущего его пополнения можно использовать фиксированную часть рентных доходов, образуемых за счет экспортных тарифов и налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ).

Заключение

Для современной России выдвижение программы новой индустриализации в ряду с другими социально ориентированными реформами становится приоритетной задачей. Это особенно необходимо, если иметь в виду острую потребность возрождения экономического потенциала страны и улучшения ее позиции в мировом хозяйстве. Неоиндустриальный разворот России с целевой установкой на проведение высокотехнологичной диверсификации народного хозяйства отражает потребность в выработке стратегии развития на собственной основе, которая на данном этапе приобретает конкретные очертания в виде курса на опережающие реформы, меняющие сложившуюся общественно-хозяйственную систему России.

Программа новой индустриализации способна эффективно реагировать на внутренние и внешние ограничения, преодолевая возникшую кризисную ситуацию и стагнацию в развитии с выходом на устойчивый и сбалансированный рост, нацеленный на достижение социальных приоритетов. Она позволит обеспечить высокое качество экономического развития в результате переориентации на внутренние факторы и опережающий рост обрабатывающего производства и его высокотехнологического сектора в сравнении с общим ростом ВВП. При ее успешной реализации есть все основания рассчитывать на удвоение ВВП, и, что самое важное, оно будет обеспечено обновлением инфраструктуры, технологическим перевооружением производства и реальной диверсификацией промышленности. Это значит, что благосостояние людей вырастет на здоровой экономической основе.

Источники

1. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
2. Гордон Р. Дж. Закончен ли экономический рост? Шесть препятствий для инновационного развития // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 49–67.
3. Губанов С. С. Державный прорыв. М. : Книжный мир, 2012. С. 166–173.
4. Ивантер В. В. Трудосбережение как приоритет // Экономист. 2011. № 1. С. 3–10.
5. Марш П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. М. : Институт Гайдара, 2015.
6. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2011.

7. Раппорт Г., Герц А. Глобальный экономический кризис 2008–2009: истоки и причины // Вопросы экономики. 2009. № 12. С. 18–31.
8. Рифкин Дж. Третья промышленная революция. М.: Альпина, 2016.
9. Рязанов В. Т. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8. С. 3–32.
10. Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М. : Экономика, 2016.
11. Рязанов В. Т. Социализация финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка // Экономист. 2016. № 8. С. 3–23.
12. Татаркин А. И., Романова О. А. О возможностях и механизме неоиндустриализации старопромышленных регионов // Экономист. 2013. № 1. С. 21–38.
13. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : ЭКСМО, 2017.

New Industrialisation and Economic Revival of Russia: The Eastern Road

by Viktor T. Ryazanov

The paper proves the need to develop a programme for Russia's new industrialisation as a strategic objective for implementation in the long run. It emphasises the necessity of a radical reform of the current economic model, because key problems of economic growth cannot be resolved by simple improvement and correction of the stabilisation policy. The author states that it is of great importance for Russia not to confine national development to the objective of financial stabilisation and reduction of inflation. Combining economic reforms with an active industrial policy in the direction of import substitution and new industrialisation seems to be obviously crucial. The author explains the reasons behind the need for drawing up and launching the programme of systemic reforms, arguing that it will enable the country to overcome existing imbalances and speculative distortions. For Russia, this programme could become a prerequisite for economic diversification and country's switching to the path of sustainable development. In line with this, the author suggests a programme for socialisation of finance designed to significantly limit the scope of speculative financial activities. Moreover, the paper attracts attention to the important role played by the eastern regions of the country in the programme of the new industrialisation. These regions possess all the required production potential, historical traditions and resources.

Keywords: postindustrialism; de-industrialisation; reindustrialisation; new industrial revolution; tasks of the new industrialisation in Russia; demand for innovation; socialisation of finance; Eastern vector of the new industrialisation.

References:

1. Glazyev S. Yu. *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa* [Strategy of advanced development of Russia in the conditions of global crisis]. Moscow: Ekonomika Publ., 2010.
2. Gordon R. J. *Zakonchen li ekonomicheskiy rost? Shest' prepyatstviy dlya innovatsionnogo razvitiya* [Whether economic growth is finished? Six barriers to innovation development]. *Voprosy ekonomiki – The Issues of Economics*, 2013, no.4, pp. 49–67.
3. Gubanov S.S. *Derzhavnyy proryv* [The national breakthrough]. Moscow: Knizhnyy mir Publ., 2012.
4. Ivanter V.V. *Trudoberezhnie kak prioritet* [Labour saving as a priority]. *Ekonomist – Economist*, 2011, no.1, pp. 3–10.
5. Marsh P. *Novaya promyshlennaya revolyutsiya. Potrebiteli, globalizatsiya i konets massovogo proizvodstva* [The new industrial revolution. Consumers, globalisation and the end of mass production]. Moscow: Gaidar Institute, 2015.
6. Reinert E.S. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How rich countries got rich . . . and why poor countries stay poor]. Moscow: SU HSE Publ., 2011.

7. Rapport G., Gerts A. Global'nyy ekonomicheskiy krizis 2008–2009: istoki i prichiny [The global economic crisis 2008–2009: Origins and causes]. *Voprosy ekonomiki – The Issues of Economics*, 2009, no. 12, pp. 18–31.

8. Rifkin J. *Tret'ya promyshlennaya revolyutsiya* [The third industrial revolution]. Moscow: Al'pina Publ., 2016

9. Ryazanov V. T. Vremya dlya novoy industrializatsii: perspektivy Rossii [Time for a new industrialisation: prospects of Russia]. *Ekonomist – Economist*, 2013, no. 8, pp. 3–32.

10. Ryazanov V. T. *(Ne)Real'nyy kapitalizm. Politekonomiya krizisa i ego posledstviy dlya mirovogo khozyaystva i Rossii* [(Not) Real capitalism. Political economy of crisis and its consequences for the world economy and Russia]. Moscow: Ekonomika Publ., 2016.

11. Ryazanov V. T. Sotsializatsiya finansov i besprotsentnaya ekonomika: varianty i al'ternativy novogo finansovogo poryadka [Socialisation of finance and interest-free economy: Options and alternatives for a new financial order]. *Ekonomist – Economist*, 2016, no. 8, pp. 3–23.

12. Tatarkin A. I., Romanova O. A. O vozmozhnostyakh i mekhanizme neoindustrializatsii staropromyshlennykh regionov [On possibilities and mechanism of new industrialisation of old industrial regions]. *Ekonomist – Economist*, 2013, no. 1, pp. 21–38.

13. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo Publ., 2017.

Contact Info:

Viktor T. Ryazanov, Dr. Sc. (Econ.), Prof.,
Head of Economic Theory Dept.
Phone: (812) 363-67-86
e-mail: v.rjazanov@mail.ru

Saint Petersburg State University
62 Chaykovskogo St., Saint Petersburg, Russia,
191123

Ссылка для цитирования:

Рязанов В. Т. Новая индустриализация и экономическое возрождение России: восточный вектор // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5 (73). С. 68–80.

For citation:

Ryazanov V. T. Novaya industrializatsiya i ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii: vostochnyy vektor [New industrialisation and economic revival of Russia: The Eastern road]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Journal of the Ural State University of Economics*, 2017, no. 5 (73), pp. 68–80.